

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 14 (50)

К 150-летию ВИЗИТА АЛЕКСАНДРА II

В ЧЕРКЕСИЮ В СЕНТЯБРЕ 1861 г.

(Продолжение. Начало см. в предыдущем выпуске).

В «Актах...» помещен единственный отчет о встрече Александра с черкесами. Согласно отношению ген.-адъют. князя Орбелиани, замещавшего Барятинского на посту командующего Кавказской армии, к управляющему военным министерством, ген.-адъют. Милютину, от 7 октября 1861 г., председатель черкесского меджлиса «кубых Берзеков от имени всех просил Государя принять их в число русских подданных». (АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 934).

«Государь Император, — докладывал Орбелиани, — изволил ответить, что очень рад видеть их своими подданными, но что для этого они должны бросить свои разбои, повиноваться начальникам, которые будут над ними поставлены, и исполнять все наши требования и, чтобы доказать свою готовность исполнить это, теперь же должны выдать наших пленных и беглецов. Молчание было ответом на эти слова Государя. Сделалось очевидным, что явившиеся в лагерь старшины и депутаты были представителями не целого народа, а только одной партии, действительно желающей прекращения войны с нами и готовой даже принести для этого известные жертвы, но еще недовольно сильной для того, чтобы увлечь за собой весь народ. Когда Государь изволил спросить: «что же они молчат?» Берзеков отвечал, что у них есть письменная просьба. Государь приказал принять эту просьбу и объявить горцам, что поручает рассмотрение ее и вообще устройство их быта Кавказскому начальству и чтобы они во всем обращались к гр. Евдокимову. Из препровожденно при сем переводе этого прошения в. пр. изволите усмотреть всю неумеренность требований, предложенных этими народами. Заметно, что сочинивший это прошение желал удовлетворить и тем из своих соотечественников, которые, не предвидя ничего для себя доброго в продолжении войны, надеются выражениями покорности смягчить требования наши, равно как и тем, которые не желают отказаться от борьбы с нами иначе, как на условии значительных уступок с нашей стороны. По имеющимся сведениям, воинственная партия особенно сильна в тех частях края, которые наиболее удалены от наших войск и казачьих линий и которым война еще не

грозит неминуемым и близким разорением. В частях же ближайших к нашим линиям большинство готово подчиниться всем требованиям, лишь бы избежать разорения. Таким образом, продолжительного, единодушного сопротивления со стороны этих народов ожидать трудно; но в первое время по открытии военных действий мы должны быть готовы встретить сильный отпор и особенно должны озаботиться прикрытием новых наших станиц на левом берегу Лабы. Долго ли продолжится этот кризис и будет ли он возобновляться, теперь предвидеть невозможно; во всяком случае, в течение всего будущего года мы должны быть готовы на все случайности». (Там же. С. 934-935). Как видим, Орбелиани полностью умалчивает самый главный вопрос — это требование, выдвинутое Александром к черкесам — в полном составе покинуть свою родину и отправиться, по сути дела, в изгнание, в неизвестность. Принципиально важным является упоминание о том, что разговор начался с просьбы черкесов принять их всех в подданство.

Отчет Орбелиани не отличается ни точностью, ни чертами, присущими строгому документальному отчету. Создается впечатление, что российское руководство не было заинтересовано в фиксации хода этих переговоров, зная позицию императора и отлично понимая всю неблагоприятность этой позиции. Помимо самых общих замечаний в мемуарах мы не смогли обнаружить сколько-нибудь детального описания встречи и, тем более, точной передачи слов Александра и Хаджи Керендука Берзека.

Орбелиани говорит о некоей требовательности, неуместно проявленной черкесами, но составители «Акт...» не приводят текст этого письменного обращения меджлиса к царю. В «Актах...» приводится «Прощение обществ Абадзехского, Убыхского и Шапсугского со всеми деревнями, к ним принадлежащими, командующему Кавказской армии». Это действительно самое настоящее прошение или челобитная по стилю и содержанию. Прощение датируется июлем-августом 1861 г.:

«Мы, общества Абадзехское, Убыхское и Шапсугское, с принадлежащими к нам де-

ревнями, для блага и пользы нашей, соединились для светских и духовных дел нашего края и обществ, во зло тем людям, которые были причиной нарушения прежних наших мирных условий с вами, по каковому условиям мы отнюдь не домогались сделаться какими-либо самовластными, а искали только мира и согласия. Ныне же, благодаря бога, мы приняли на свою ответственность, что впредь ни явных, ни тайных со стороны наших обществ измен уже не случится, а кто из нас нарушит таковое наше общее условие, то он будет наказан нами смертью; а потому надеемся, что в. с. примете как нас, так и принадлежащих нам людей, простив нам все наши прежние вины, происшедшие от недоразумений и молодежи нашей. Вследствие сего, мы сообщили письмом гр. Евдокимову и просили совещания с ним насчет земель, религии и пропитания нашего. Гр. Евдокимов вслед же за этим двинулся в наши земли с большими силами и, хотя наши общества и просили его приостановиться и не разорять наши деревни, но он ответил нам, что идет для рубки леса, постройки дорог, укреплений и станиц на нашей незначительной земле и что просьбу нашу не иначе может исполнить, как с дозволения в. с. Согласно отзыву ген. Евдокимова, мы имеем честь с сей просьбой обратиться к в. с. Мы узнали, что когда перед сим были заключены мирные условия ген. Филипсоном с абадзехскими обществами, тогда обещано было абадзехам не входить в их земли войскам, дабы защитить их пропитание от разорения, не производить постройку укреплений и станиц, а оставить Хамкетские и Майкопские укрепления и не обижать начальников одного общества в отношении религии и пропитания. На том основании мы, все три общества с подвластными нам деревнями, посоветовались между собой и полагаем, что нарушение мирного условия нашего произошло через наших врагов и что двуличие и обман не бывают со стороны правительства. А потому мы решили общим нашим советом так, что между нами и правительством русским не может быть впредь никакой измены и обвинения. Поэтому, мы покорнейше просим согласия в. с. не впускать в наши общества

войск, а также не производить постройки укреплений и станиц, ибо, как вам известно, у нас имеется малое количество земли, которая даже нам самим недостаточна, а в случае постройки больших станиц, как мы, так и скотоводство наше, крайне будут стеснены. Равномерно мы просим, чтобы земли наши оставить в нашем владении и предоставить нам свободу вероисповедания. Присланным тремя нашими обществами депутатов мы посылаем к в. с. довести до сведения вашего жалобы о бедности нашей, равно жен и детей наших. Мы убеждены, что в. с. обратите ваше внимание на просьбу нашу и словесные доклады наших поверенных и не оставите их повергнуть к стопам его императорского величества для доставления нам вечного спокойствия, чего мы ожидаем, по милости божьей, от в. с. А потому мы, по милости бога, будем исполнять по

силе и возможности нашей заключенное с нами условие и впредь со стороны нашей не может быть никаких измен, как это случалось в прежние времена. А потому остаемся в ожидании милости и спокойствия от государя императора посредством ходатайства вашего, по примеру других подданных». (АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 926).

И. В. Бентковский в специально посвященной визиту царя на Северо-Западный Кавказ брошюре описывает встречу с лидерами черкесского меджлиса как нечто совершенно второстепенное и происшедшее внезапно, когда после завтрака государь с одним только переводчиком пошел переговорить с толпившейся группой горских депутатов, смиренно ожидающих, когда на них обратят внимание: «Задолго до приезда Государя стали собираться в отряд лица различных ведомств; каждый день приезжал фельдъегерь, а иногда и два. Враждовавшие с нами горцы тоже расположились на воз-

Великий князь Михаил Николаевич

Из книги: Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Т. IX. СПб., 1895.

К 150-ЛЕТИЮ ВИЗИТА АЛЕКСАНДРА II В ЧЕРКЕСИЮ

вышенностях окрестных гор, на довольно далеком, впрочем, расстоянии, зажигали костры, пели песни и тоже как бы ожидали чего-то торжественного. Мрачный и зловещий Мамрюк-Огой сделался положительно увеселительным парком. Туда, по вечерам, собирались офицеры отряда, пили чай, и этот, страшный в другое время, лес до белой зари оглашался песнями и молодым смехом. Горцы приезжали в лагерь, привозили кое-какие вещи для продажи, даже лошадей, добродушно разговаривали с солдатами и, казалось, совсем позабыли вековую вражду с нами... Такое, впрочем, их настроение происходило от довольно оригинальной идеи. Они воображали себе, что Государь приезжает в Нижне-Фарский лагерь нарочито для того, чтобы лично вести переговоры с ними о мире, для чего приехал также и известный их вождь Караб-тыр, сын не менее известного Сефербея, значок которого указывали на одной из ближайших высот. Однако же, этот примечательно смелый горец не явился в числе депутатов, представляющих Государю. Наконец, настало 16 сентября — день приезда так пламенно ожидаемого Императора. (У организатора визита генерала М. Я. Ольшевского в его мемуарах прибытие царя в лагерь отряда датировано вечером 17 сентября. — Прим. С. Х.)... Между тем, во время смотра, к ставке Его Величества подъехали депутаты от горских племен, которым, однако же, пришлось ждать очереди очень долго. Но скоро после завтрака, Государь совершенно неожиданно вышел к ним, сопровождаемый одним только переводчиком, полковником Адиль-Гиреем-Каплановым. Граф Евдокимов догнал Его Величество в кругу горцев, когда разговор уже начался. Горцы повели речь как представители воюющего народа и даже наметили несколько условий мирного договора, но Государь быстро их прервал, сказав, что если они принесли безусловную покорность, то он ее принимает, а если они именуется сказать более подробные условия, то могут обратиться к гр. Евдокимову, который получил уже на этот счет нужные инструкции. После этих слов Государь также быстро повернулся, вышел из круга и отправился в ставку, а горцы, поговорив несколько между собой, разъехались, очевидно, недовольные результатом своей миссии. Остальной день прошел так же оживленно и весело, как и предыдущий. После зари много приглашенных отправились к Его Величеству в ставку, где вечер продолжался до полуночи. (Бентковский И. В. Император Александр II в Нижне-Фарском отряде, на Северо-Западном Кавказе, в 1861 году. СПб.: типолитография В. И. Штейна, 1887. С. 10-11).

Весной 1864 г., когда стало совершенно очевидно, что план Александра воплощен на практике, Евдокимов объявил «негласную подписку» на сооружение памятника императору в урочище Мамрюк-Огой. Идея такого памятника обсуждалась

сразу после визита царя, но памятник хотели поставить в Ставрополе — «Царю освободителю крестьян и покорителю Кавказа». Содержание надписей Евдокимов согласовал с наместником Кавказа братом царя Михаилом Николаевичем: «На этот вопрос генерал Карцов ответил, что великий князь без Высочайшего разрешения не может дать официального дозволения, но в то же время и не желает мешать добродушному намерению... Проект памятника-бюст одобрен, но надписи Его Высочество полагает изменить так. На лицевой стороне: 16 сентября 1861 г. Государь Император здесь окончательно утвердил предположенную систему покорения Западного Кавказа. На противоположной стороне: В 1864 г. Высочайшие указания исполнены. Кавказ покорен». (Там же. С. 13-14).

М. Венюков прибыл в отряд, стоявший на Псебае 31 декабря 1861 г., а в первых числах января 1862 г. был определен в лагерь на р. Фюнфт, правый приток Белой. Здесь он пробыл до 20-х чисел февраля 1862 г. и его воспоминания об этом периоде характеризуют совершенно мирный настрой абадзехов, несмотря на то, что лично император поставил перед ними ультиматум три месяца назад. Вот полная цитата из Венюкова на эту тему: «Мы стояли на Фюнфте недолго и, окончив с устройством спуска и дороги, направляющейся к р. Белой, перешли на Фарс, в то место, где теперь стоит станция Царская (место встречи царя с руководством черкесского меджлиса. — Прим. С. Х.), ограждением которой и занимались добрых полтора месяца. В это же время производилась, от времени до времени, рубка просеки, долженствовавшей привести нас в Дахо, тогдашний центр враждебной нам части абадзехов. Говорю части, потому что ближайшие к лагерю абадзехи, из леса Тхачок, т.е. с Фарса и Губса, относились к нам дружелюбно и постоянно привозили на продажу сено, кур, яйца и т.п. Я нередко покупал эти предметы и, признаюсь, не знаю, как бы мог прокормить, без участия черкесов, до весны свою верховую лошадь — и пару упряжных, которые возили мой походный скарб. Тем не менее, участь этих временных друзей в ту пору была уже решена: тотчас по стаянии снега и прежде, чем леса успеют одеться листьями, они должны были убираться за р. Белую, оставшая свои родные земли нашим переселенцам, которые, в числе многих тысяч, готовились при первом подножном корме двинуться за Кубань из губерний Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Курской, с Дона и пр. Знали ли горцы об этой участи? — не могу сказать: но догадываться были должны, потому что ведь если мы строили станции, то конечно не для того, чтобы оставлять среди них черкесские аулы. Это присутствие станций, а не одних укреплений, всегда было роковым для горцев, и от того-то они так настойчиво ходатайствовали о прекращении колониза-

ции перед государем императором, когда его величество посетил западный Кавказ в августе 1861 г. Не могу по поводу этого ходатайства не рассказать одного важного исторического факта, известного очень немногим. Когда государь прибыл на Кавказ, то охотно изъявил согласие на прием горских старшин, которые должны были заявить свои пожелания. Кажется, что в то время в высших правительственных сферах не было решено, вытеснять ли горцев с их земель или оставить их там, ограничась проведением через эти земли дорог и постройкой укреплений? Следующие слова официального «Обзора царствования императора Александра II», изданного в 1871 г., заставляют думать, что правительство было склоннее на последнюю меру. Именно, в «Обзоре» говорится: «Огромность жертв, которых требовал план изгнания горцев из их убежищ и жестокость такой меры смущали энергию исполнения... Его величество, принимая горских депутатов, предложил им сохранение их обычаев и имуществ, льготу от повинностей, щедрый замен тех земель, которые отошли бы под наши военные линии, и требовал только выдачи всех русских пленных и беглых. Что же отвечали горские старшины? На другой день они представили челобитную, в которой требовали немедленно вывести русские войска за Кубань и Лабу и срыть наши крепости». — Факт этот верен, да только в рассказе не договорено кое-что (и факт не верен, и не договорено почти все. — Прим. С. Х.), что, может быть, было и неизвестно рассказчику и что именно я хочу здесь сообщить. После милостивого приема государем депутатов, граф Евдокимов сильно опасался, что горцы примут императорское предложение и останутся на своих землях, под «покровительством» России, чего он никак не хотел допустить, порешив в своем уме выгнать их из гор всех до последнего. Зная легковёрность азиатов, он командировал к ним ночью своего приближенного, полковника Абдеррахмана, и приказал ему внушить горцам, что они могут требовать теперь всего, даже удаления наших войск за Лабу и Кубань и срытия укреплений. Те поддались на коварный совет и участь их была решена». (Венюков М. Кавказские воспоминания... С. 415).

Представить себе, что руководство меджлиса доверяло Евдокимову и его сподручному Абдрахманову, просто невозможно. Какие-то агентурные мероприятия действительно могли иметь место, но не через генеральского цепного пса. Наконец, подобное толкование совершенно не учитывает личную позицию самого императора, а предлагает совершенно необоснованную конспирологическую версию. Какие документы, исходящие непосредственно от Александра II, позволяют нам определить его личное отношение к изгнанию черкесов?

29 декабря 1860 г. Бярятинский обратился к Александру

Сухозанета: «В Кубанской области северозападной часть Кавказа заключает в себе страну, обитаемую однородным и доселе враждебным народонаселением. Доступная для внешнего неприятели, владеющего Черным морем, она в мирное время служит поприщем тайных происков иностранных агентов, старающихся раздуть и поддерживать у горцев ненависть к нам. В этих отношениях Западный Кавказ может иметь особенную для нас важность. В прошлую войну противники наши не умели воспользоваться значительными выгодами, которые представляло им многочисленное, воинственное, поголовно вооруженное и враждебное нам население этого края, но нельзя надеяться, чтобы они в другой раз повторили ту же ошибку. Высадка небольшого отряда регулярных войск, возможная на всем восточном берегу Черного моря, послужит сигналом ко всеобщему восстанию горцев. Если бы сии последние и были силой нашего оружия принуждены к покорности, то, оставаясь вооруженными и в горных труднодоступах, прилегающих к Черному морю, они, при первом появлении внешнего неприятеля, неизбежно обратятся против нас. Естественно, что при этом случае возбуждение магометанского фанатизма будет важным орудием в руках наших противников. Призыв к священной войне может найти отголосок и на Восточном Кавказе, особенно если этот призыв раздастся прежде, чем мы успеем кончить устройство системы дорог и укреплений для прочного обладания этим недавно покоренным краем.

Единственное надежное средство для прочного утверждения нашего владычества на Западном Кавказе есть занятие горного и предгорного пространств нашим вооруженным козачьим населением по обоим сторонам хребта, учреждение опорных пунктов и военных путей, водворение туземного горского населения на богатых равнинах прикубанских и введение правильного за ним надзора и управления. Всякая другая система может иметь временные выгоды, но решительно не ведет к прочному утверждению нашему в этом крае.

Для достижения этой цели очевидна необходимость производить водворение новых козачьих станиц в обширном размере, начиная от Лабы через верхние части рр. Белой, Пшахи, Псекупса и далее к западу, по обоим скатам хреб-

Драгуны Нижегородского полка. 1856г. Из книги: Потто В.А. История 44-го Драгунского Нижегородского полка. Т. VII. СПб., 1895. Между стр. 124 и 125

та, до берега моря. По мере этого движения, конечно, представится необходимость занимать временно оборонительные линии для прикрытия водворяемых станиц и первым эшелоном будет, конечно, р. Белая; но следует заметить, что, по мере удаления к западу, все притоки Кубани становятся короче и представляют более удобств для временного устройства их охранения. (Отношение генерал-фельдмаршала князя Барятинского к военному министру, ген.-адъют. Сухозанета, от 29 декабря 1860 г. // АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 664-665).

Все эти соображения князь Александр Иванович просил доложить его величеству и просить повеления о скорейшем разрешении его представлений. «Сухозанет, зная силу Барятинского, — отмечает Короленко, — не замедлил исполнить его желание и 19 января 1861 года ответил, что Государь одобрил все его предположения по заселению Закубанского края». (Короленко П. П. Переселение казаков за Кубань в 1861 г. С приложением документов и записки полковника Шарапа // Кубанский сборник. Т. XVI. Екатеринодар, 1911. С. 320; Отношение военного министра, ген.-адъют. Сухозанета, к ген.-фельд. кн. Барятинскому, от 19 января 1861 г. // АКАК. Т. XII. Ч. 1. С. 668).

1 апреля 1861 г. Барятинский отдал приказ по Кавказской армии о постройке за Кубанью новых станиц и переселении в полном составе туда же шести станиц Кубанского казачьего войска в полном составе. 2 апреля Барятинский убыл за границу на лечение и уже не возвращался на Кавказ. 6 декабря 1862 г., по состоянию здоровья, он был уволен от должности главнокомандующего и наместника Кавказского, а на его место назначен младший брат Александра великий князь Михаил Николаевич. Барятинский был одним из наиболее близких императору сановников. Сменил его еще более близкий человек.

К 150-ЛЕТИЮ ВИЗИТА АЛЕКСАНДРА II В ЧЕРКЕСИЮ

Очевидным обстоятельством является личное участие императора и великого князя в проведении того крайне безжалостного курса в отношении Черкесии и ее народа, который был принят и проводился с января 1861 г. Этим же временем можно датировать полный отказ Александра от тех условий покорности, на которых ему присягнули абадзехи в 1859 г. Изгнание горцев с их исконных земель ведущие российские аналитики, вошедшие в состав особого комитета в 1857 г., считали «суровой мерой», которая «повела бы не к покорности, а к их истреблению». Высказывалось мнение, что применение практики насильственного переселения приведет к «непримиримой и единодушной против нас борьбе, развязку которой трудно угадать так же, как и нельзя рассчитать, на что отважится храбрый и воинственный народ, доведенный до последней степени отчаяния, но который, во всяком случае, требует новых огромных жертв со стороны России». Напомним, что комитет обсуждал предположение Барятинского о массовом переселении горцев на Дон. Мнение комитета оскорбило Барятинского, писавшего управляющему военным министерством князю Васильчикову, что его поняли неверно и истолковали его предположения в том виде, как будто он предлагает новую систему покорения горских племен, «основанную на истреблении всего туземного населения». (Короленко П. П. Переселение казаков... С. 318).

За три месяца до визита в Черкесию (Кубанскую область), Александр II издал рескрипт, в котором весьма четко обозначил курс на полное и безукоснительное изгнание черкесов и аннексию их страны. Учитывая, что данный документ готовился еще на протяжении значительного периода, мы можем с полной на то уверенностью говорить о полном отказе императора от тех условий покорности, на которых ему присягнули абадзехи в 1859 г.

В рескрипте на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска генерал-адъютан-

та Евдокимова от 24 июня 1861 г. Александр писал: «Переселение вперед наших линий, конечно, не может не быть тягостным, но это переселение есть жертва, приносимая верноподданными для блага отечества. Казачье сословие предназначено в государственном быту для того, чтобы оберегать границы империи, прилегающие к враждебным и неблагоустроенным племенам и заселять отнимаемые у них земли. В продолжение почти целого столетия казацкие войска, бывшие Черноморское и Кавказское линейное, с помощью донских и малороссийских казаков, дружно действовали для покорения враждебных племен, в особенности в последнее время они оказали большие заслуги, постепенно оттесняя неприятеля далее в горы и заселяя оставленные им земли... Ныне, с Божьей помощью, дело полного завоевания Кавказа близко уже к окончанию. Остается несколько лет настойчивых усилий, чтобы совершенно вытеснить враждебных горцев с занимаемых ими плодородных стран и навсегда водворить на сих последних русское христианское население». (Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч. 2. Нальчик: «Эль-Фа», 2003. С. 80-81).

Александр II имел совершенно адекватное представление о том кардинальном различии ландшафта, которое существовало между степным правобережьем и Закубаньем. В своем рескрипте 1861 г. он отмечал: «Обширные земли, которыми они (казаки. – Прим. С. Х.) теперь владеют, состоят большей частью из степных пространств, во многих местах маловодных, и почти везде безлесных, новые же земли, отводимые им в предгорьях Кавказа, богаты водами, пастбищами, лесами. Земли эти впоследствии, при трудолюбивом и смышленном населении, могут доставить войску полное благоденствие... В награду за постоянное доблестное служение одного престолу и Отечеству предоставляются в пользование войску освобожденные от горских племен в

предгорьях Западного Кавказского хребта новые, в особо указанных пределах, щедро наделенные дарами природы земли». (Ольшевский М. Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 80-81).

10 мая 1862 г. Александр II издал «Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России». Положение четко определило границы той весьма и весьма скромной территории, которая столь «щедро» предоставлялась для расселения горцев:

«1. Предгорья Западной части Кавказского хребта занимают казачьи станицы, с целью окончательного покорения горских племен, остающихся нам враждебными.

2. Границами пространства, назначаемого для новых казачьих поселений Кубанского войска, полагаются: к югу и западу гребень главного Кавказского хребта, от верховьев Малой Лабы до истоков р. Шиша, а далее берег Черного моря от устья реки Мокупсе до устья р. Кубани; к северу – низовья р. Кубани и Адагума и далее прямая линия от Адагумского укрепления до укрепления Дмитриевского, а от сего последнего до р. Большой Лабы против станицы Родниковской; к востоку р. Большая и Малая Лаба.

Примечание. Пространство между северной границей вновь назначаемых для казаков земель, р. Кубанью и нижней частью р. Большой Лабы назначается для поселения тех горских племен, земли которых поступят под наши казачьи поселения.

3. Пространство, означенные границы определенное, заключающая в себе по приблизительно исчислению около 1.360.000 десятин земли, удобной для занятия казачьими станицами...». (Положение о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. Екатеринбург, 1899. С. 2).

Таким образом, под резервацию черкесам отводилась

узкая полоса ближайшего Закубанья, которая представлена в затемненном виде на карте Е. Д. Фелицына (затемнение добавлено автором данной статьи). Почти все пространство западного сектора резервации занимают Тляхофижские и Аушецкие болота. Центральный сектор – явно не располагал излишками земли, поскольку был густо заселен бжедугами. По сути, эта часть «предоставленной» земли являлась территорией двух бжедугских княжеств – Хамышея и Черченея. При крайней необходимости бжедуги могли позволить себе принять несколько тысяч беженцев, что и случилось на самом деле. Весь восточный сектор также не имел излишков земельного фонда, поскольку здесь было скучено темиргоевское и егерухаевское, и иное адыгское население. Данный сектор представлял собой примерно половину прежних владений княжества Темиргой. При необходимости сюда могло поместиться некоторое число «горцев» (термин горцы взят в кавычки, поскольку «благодетельное» распоряжение императора лишило земли не только горцев, но и огромную массу равнинного населения Черкесии).

Фактически, ни рескрипт 1861 г., ни «Положение...» 1862 г. не предусматривали выделения хоть сколько-нибудь существенной земельной компенсации для горского и равнинного населения Черкесии, которое согласно этим законоуложениям лишалось своих исконных земель.

Насильственный характер выселения горцев в Турцию признавали в своих мемуарах и работах иного плана высокопоставленные царские офицеры – участники и очевидцы этих событий.

Генерал И. С. Кравцов, ветеран Кавказской войны, обосновывает приоритетную роль Евдокимова: «Я уже доказал выше и подробно, в первых главах моей статьи, что мысль об изгнании черкесов в Турцию принадлежала графу Евдокимову и никому более, что он сам выполнил ее в точности и о чем тоже упоминается в приведенной мною высочайшей грамоте. Я не спорю, что может быть кто-нибудь писал об этом и ранее Евдокимова; охотников до проектов в то время было много. Но граф Евдокимов не только составил об этом свое предположение, одобренное самим государем Александром II, но и привел его в точное исполнение». (Кравцов И. С. Кавказ и его военачальники: Н. Н. Муравьев, князь А. И. Барятинский, граф Н. И. Евдокимов. 1854-1864. – М.: «Индрик», 2007. С. 63).

Генерал М. Ольшевский, участник военных действий против черкесов в последние годы Кавказской войны, писал: «Не по почину ли князя Барятинского приведена в исполнение строгая, но, увы, необходимая мера, породившая много толков и порицаний – это на-

сильственное переселение горцев в Турцию и водворение на Западном Кавказе христианского населения? Недоброжелатели князя А. И. Барятинского выставляли эту меру не только жестокой, бесчеловечной, а даже вредной, в том собственно отношении, что этим переселением мы дали туркам большой и воинственный контингент. Хотя в таких толках и осуждениях и была доля правды, но нельзя было равнодушно слушать таких антагонистов, которые силились доказать, что не следовало вовсе допускать переселение закубанцев в Турцию, а достаточно было их выселить из гор и лесов на открытые места под надзором нашей администрации, подобно тому, как это было сделано на Восточном Кавказе с чеченцами и лезгинами. С покорением Восточного Кавказа не было надобности выселять чеченцев и лезгин за пределы той земли, на которой они до того жили. Достаточно было выселить из лесных трущоб и глубоких ущелий более непокорные аулы на открытое и плоское пространство и, окружив их нашими укреплениями, подчинить строгому надзору нашей военной администрации. Что этого было достаточно, доказало на опыте самое время. Двадцать лет прошло со времени покорения Восточного Кавказа, а кроме восстания нескольких чеченских аулов, возбужденных Алибеком и его приверженцами, и в самом начале усмирного, да волнений, возникших в последнюю войну, в Чечне и Дагестане царила тишина и спокойствие. Не то было бы с Западным Кавказом, если бы его прежние обитатели были, подобно чеченцам и дагестанцам, выселены из гор и лесов на открытое и плоское пространство той же территории, на которой они и до того жили. На Западном Кавказе спокойствие могло существовать при одном только условии: если абадзехи, шапсуги, убыхи и другие обществу будут удалены за пределы той земли, на которой они до того жили – будет ли это степное по эту сторону Кубани пространство*, или Турция. В противном же случае такое спокойствие беспрестанно нарушалось бы проидами и подстрекательствами турецкого правительства; в последнюю же войну, с появлением судов и высадкой турецких войск на восточном берегу Черного моря, неминуемо восстало бы все магометанское население. Но этого не случилось, потому что в настоящее время Западный Кавказ перестал быть «магометанским», а вместе с тем прекратились и проици турецкого правительства. И единственно от такой только перемены состава населения Западного Кавказа и могло быть достигнуто прочное его покорение». (Ольшевский М. Кавказ... С. 425-426).

Как видим, Ольшевский говорит об изгнании черкесов в Турцию, а главным инициато-

Фелицын Е. Д. Военно-историческая карта Северо-Западного Кавказа. 1898 г. Темным фоном выделена территория, которая согласно «Положению...» от 10 мая 1862 г. предназначалась для поселения адыгского населения.

* Закубанцам, до выселения их в Турцию, предлагались для их поселения: пространство между Лабой и Кубанью и пустопорожние степные места, находящиеся по правую сторону этой последней реки. Но они отвергли это предложение, как по климатическим причинам, так, главное, из нежелания находиться под постоянным и строгим надзором административной власти. – Прим. М. Ольшевского.

ТОПОНИМИКА ЧЕРКЕСИИ

ром этой акции называет Барятинского. Он оправдывает эту акцию геополитической необходимостью полного или почти полного изменения этнического и конфессионального состава населения Северо-Западного Кавказа. Стремясь несколько снизить неблагоприятность этого чистого геополитического подхода, приведшего к уничтожению целой страны, он оговаривается о предложенной горцам альтернативе – поселении между Кубанью и Лабой и на каких-то, точно не называемых землях, по правую сторону Кубани. (См. его примечание). Отговорка вполне достаточная для времени Ольшевского, когда авторы мемуаров состязались за право признания главной заслуги по изгнанию черкесов за своим излюбленным военным вождем (Ольшевский отстаивает приоритет Барятинского, а Кравцов - Евдокимова). Но для читателя, желающего убедиться в реальности предложенной альтернативы, только беглого замечания ветерана недостаточно. Представит себе, что население Абадзехии, Убыхии, Махоша, нагорных шкаравских-абазинских обществ, Садза-Джигетии, Шапсугии, Бесленея и других обществ и областей Западной Черкесии могло поместиться между Лабой и Кубанью – совершенно невозможно. Тем более, что здесь уже практически не было свободных участков, поскольку почти все пространство было занято станицами. Об упразднении станиц речь не идет ни в одном из известных автору

этой статьи документов. Более того, в период, предшествующий визиту Александра, шел процесс аннексии пространства между Лабой и Белой, что делало безземельными значительную часть темиргоевцев, егерухаевцев и абадзехов. Еще менее вероятным выглядит упоминание правой стороны Кубани, которая была давно и основательно занята многочисленным русским населением. Об их возможном переселении также не сообщается ни в одном из докладов этого времени.

То, как Александр II растоптал условия покорности абадзехов 1859 г., представляет его как провокатора последовавшей бойни. Фактически, он навязал самоубийственную борьбу народу, который за 22 месяца до того сложил оружие к его стопам. С юридической точки зрения Александр II расправился со своими подданными, которые встретили его как своего монарха. Еще раз отметим, что встреча происходила в окрестностях станицы Верхне-Фарсовской (позднее – Царской) на той самой территории, которая была занята войсками без боя: абадзехи, верные своему слову, не просто допустили почти 40-тысячную военную группировку на свою территорию, но и помогали прокладывать дороги.

Таким образом, приезд царя Александра II в Абадзехию не установил мир, а подстегнул военные действия. Впоследствии, в мемуарах, это решение царя исключительно приписывалось в бравурных то-

нах. Офицеры-ветераны, почти обязательно, вспоминают о том, что Кавказская армия ожидала от своего государя именно такого решения, воспринимая «мир» с абадзехами как недоразумение, как проявление слабости с русской стороны: «с приездом государя, должно было прекратиться это неопределенное положение: мы уже готовы были перенести наши действия за Фарс (за который, как говорили абадзехи, они нас не пустят) и силой вынудить их исполнить наши требования». (Гомборский. Воспоминания о верхне-абадзехском отряде, с 1-го сентября 1861 по март 1862 г. // Военный сборник. 1866. № 9. С. 120-121).

Единственный человек, возражавший против изгнания горского населения Черкесии, - Г. И. Филипсон – проявил удивительную стойкость. 29.09.1860 г. на совещании во Владикавказе Филипсон, уже отстраненный с поста командующего войсками Кубанской области, последовательно отстаивал свою позицию в присутствии Барятинского, Евдокимова, Милютин, ряда других высших генералов. «По мнению Филипсона, - вспоминает Милютин, - следовало мерами кроткости при содействии Магомет-Эмина достигнуть во всем Западном Кавказе такой же степени покорности, какая уже достигнута относительно абадзехов и натухайцев, стараясь упрочить нашу власть в этом крае только занятием некоторых укрепленных пунктов, проложением дорог, рубкой просек, введением управления

сообразно быту и нравам туземных племен в духе гуманном, не препятствуя торговым сношениям прибрежных горцев с Турцией и т. д.». (Милютин Д. А. Воспоминания. С. 474-475).

Вполне возможно, что Филипсоном в данной ситуации двигало уязвленное самолюбие. С ним обошлись очень несправедливо: отобрали руководство войсками у победоносного и заслуженного генерала, все этапы карьерного роста которого были связаны с правым флангом, т.е. Черкесией. Его триумфальное приведение грозных абадзехов, ведомых знаменитым Магомет-Амином, было ошельмовано, растоптано и забыто. Пришел Барятинский со своим верным «мюридом» Евдокимовым. Все их речи и поведение провозглашали, что и не было никаких результатов до их появления, их непосредственного военного руководства в Закубанье: войну начинаем с нуля и быстро выигрываем, т.к. мы, дескать, великие стратеги. Военная карьера Филипсона была завершена. Он занимал пост сенатора в Петербурге, не успев завершить мемуары и погиб под колесами экипажа в 1883 г.

В ноябре 1863 г. последовало особое распоряжение Александра II командующему войсками Евдокимову: «Совершенно необходимо довести границу русских поселений по берегу до реки Бзыбь, ибо в противном случае и небольшая часть горцев, оставшихся на берегу, на каких бы то ни было условиях будет в случае внешней вой-

ны составлять приманку для наших неприятелей». (Отношение начальника Главного штаба Кавказской армии Карцова командующему войсками Кубанской области Евдокимову // Проблемы Кавказской войны... С. 233).

Этот документ со всей очевидностью показывает нам, что на изгнании адыгов настаивал лично император Александр II. Симптоматична и реакция императора на завершение процесса «очищения».

В марте 1864 г. великий князь Михаил Николаевич доносил военному министру: «Все пространство северного склона к западу от р. Лабы и южный склон от устья Кубани до Туапсе очищены от враждебного нам населения». На документе рукой императора Александра II начертано: «Слава богу». (Отношение генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича военному министру о завершении заселения предгорной зоны и об успешных действиях Даховского и Джубгского отрядов // Проблемы Кавказской войны... С. 260).

В 1867 г. Александр посетил Всероссийскую этнографическую выставку: «Переходя к шатру, государь сам изволил заметить и назвать черкеса». (Всероссийская этнографическая выставка и славянский съезд в мае 1867 года. М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1867. С. 64).

Самир ХОТКО.

Анапа. Происхождение названия.

На карте Черного моря Петра Висконти 1318 г. на месте Анапы отмечено поселение Мапа (мара). [Портолан Петра Висконти, 1318 г. Фрагмент. См.: http://parasona.narod.ru/maps/portolan-vesconte_1318.htm].

На портолане Фредуче из Анконы 1497 г. также содержится название *мара*. [Портолан Фредуче из Анконы, 1497 г. Фрагмент. См.: Записка о новом перипле Понта Евксинского, равно как о древнейшей истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии, составленная графом Иваном Поттоком // Археолого-нумизматический сборник, содержащий в себе сочинения и переводы относительно Тавриды вообще и Босфора Киммерийского частно. Изданный Г. Спасским. М., 1850. Карта помещена между страницами 94 и 95].

На портолане Адриатического и Черного морей, составленном в XV в. в Венеции (Национальная библиотека Марциана, Венеция), на месте Анапы отмечено поселение *мара*.

Это название указано на многих портоланах (навигационных картах) XIV-XVI вв. Ф. Брун перечисляет 10 портоланов XIV-XV вв., включая Висконти и Фредуче, на которых отмечено название *мара*. (Брун Ф. Восточный берег Черного моря по древним периплам и по компасовым картам // Записки императорского Одесского общества истории и древностей. Т. 9. Одес-

са, 1875. См. приложение: Топографическая таблица Восточного берега Черного моря по периплу Безымянного и по компасовым картам в сравнении с нынешними). В генуэзской переписке XIV-XV вв., как правило, употребляются такие формы, как *Мара* или *Mararium*. (Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // Исторические записки. 1938. Т. 3. С. 84).

Таким образом, Мара – это сокращенный вариант от *Mararium*. Данное название является связующим звеном с исходной формой – греческим словом *emporium* «торговая площадь, рынок, торговый город». (Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 2003. С. 282).

А. В. Гадло отмечает процесс деградации бывших античных городов в V-VI вв. в крупные «торжища-эмпории, через которые осуществлялась связь Византии с кочевыми объединениями северокавказской степи и коренным оседлым населением предгорий». (Гадло А. В. Коренное население Западного Кавказа. Адыги во второй половине I тысячелетия н. э. // Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та, 2004. С. 200).

Это превращение Эмпориума в Мапарииум с последую-

щим сокращением Мапа – вполне соответствует другим искажениям римских и греческих названий в средние века. Так, греческое Таматарха сократилось до Матарха, а в итальянских написаниях приобрело форму Матрега.

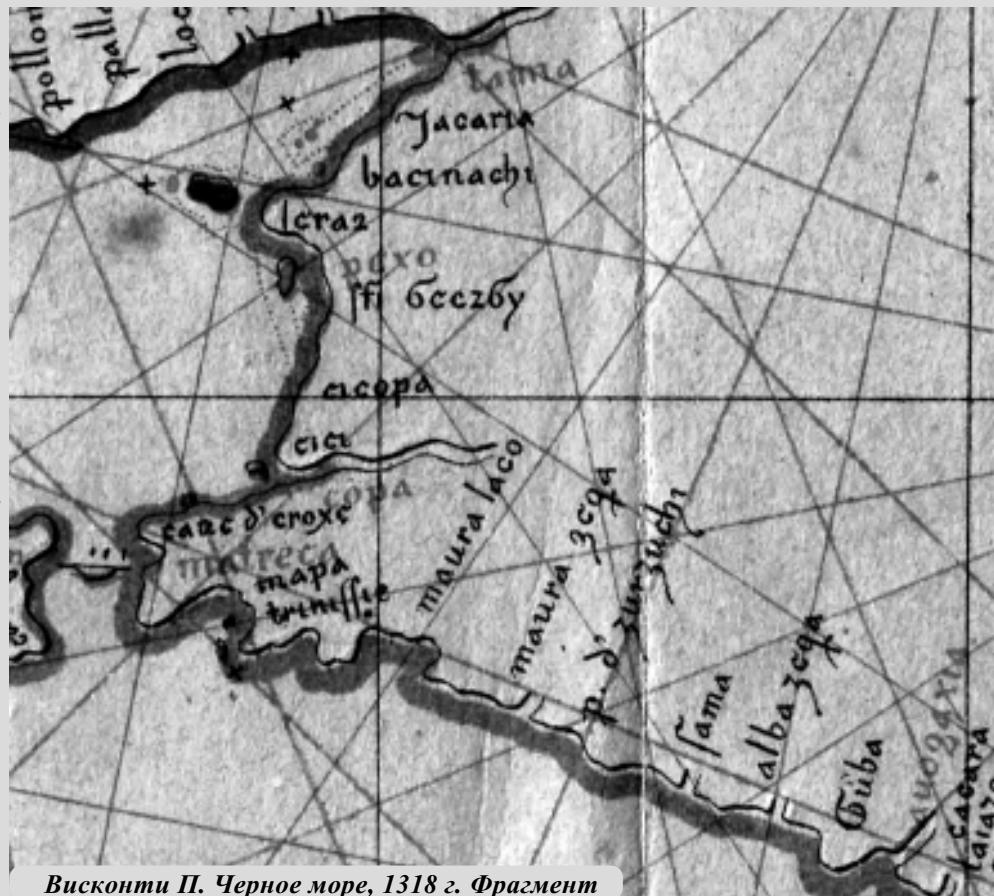
Форма *Анапа* впервые появляется в последней четверти XV в. в османском отчете об экспедиции в Черкесию. Ибн Кемаль, сведения которого относятся к 1479 г., сообщает о захвате османским десантом двух крепостей в Черкесии – Кубы (Копы) и *Анабы* (Мапы). (Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в. М.: Наука, 1990. С. 52-53).

Таким образом, название Анапа, согласно предложенной версии – османское искажение более старого итальянского названия, которое, в

свою очередь, исказило старое греческое-византийское наименование. Вполне вероятно, что названием Анаба / Анапа анатолийские турки пользовались задолго до своих походов на Кавказ. Десантная экспедиция снаряжалась не в неизвестность, а для захвата определенных пунктов черкесского побережья. Этих, предшеству-

ющих походу, документов у нас нет, но, вполне вероятно, таковые существуют в турецких архивах. Адыги же усвоили себе османское наименование, которое прочно вошло в обиход и стало восприниматься как сугубо адыгское по своей природе. Чему способствовали его морфологически и фонетически близкие к адыгскому языку облик и звучание.

Самир ХОТКО.

Висконти П. Черное море, 1318 г. Фрагмент